

Кристалбелъ выписалась из больницы вчера утром.

Арендванная квартира всё ещё оставалась под опечаткой как место преступления, да и сам контракт уже подходил к концу. Муж Кристалбелъ рассчитал время буквально впритык — даже если бы он не собирался пожертвовать ей, даже если бы Кристалбелъ не получила дар Ока Зазеркальа и не убила его, они всё равно уже не могли бы жить дальше в этой дешёвой квартире.

Поэтому, выйдя из больницы, Кристалбелъ, держа на руках укутанную в пелёнки дочку, которая грызла пальчики, даже не знала, куда идти.

Вернуться к родителям? Выходя замуж, она окончательно поссорилась с ними. К тому же сейчас Кристалбелъ думала очень ясно: возвращение означало бы исполнение их воли — выйти замуж за выбранного ими пёсолюда, и этот пёсолюд непременно должен был быть Помераном. Но Кристалбелъ теперь вовсе не хотела снова вступать в брак.

Но если не к родителям, то куда? У неё не имелось ни цзяо в кармане. Даже бутылочку и искусственную смесь для дочки подарили из жалости врачи и медсёстры. Если скитаться по улицам, то даже горячей воды для смеси не найдёшь.

А искать работу? Разве можно с ребёнком на руках?

Сидя в холле больницы, Кристалбелъ погрузилась в тяжёлые раздумья.

Перед ней остановилась высокая фигура, тень от которой её полностью накрыла.

Раньше, заметив приближение такого человека, Кристалбелъ бы съёжилась от страха и не осмелилась поднять глаза. Но сегодня она совершенно спокойно выпрямилась, поздоровалась и сказала:

— Инквизитор Весполаро.

Это действительно была Весполаро Хаски — та, что вчера ночью отвечала за её безопасность. Короткие густые брови этой пёсолюдки были очень характерны.

Но больше, чем брови, Кристалбелъ запомнила другое: прошлой ночью именно её грубоватая рука стёрла с лица померанки мозг и кровь.

Кристалбелъ встала, прижимая к себе дочку, и улыбнулась:

— У вас ко мне дело?

— Э-э, ну... — инквизиторша смущённо почесала затылок, — мисс Кристабель, я с утра спросила у начальства: в вашей ситуации вы не думали подать жалобу в центр репродукции?

Почти не имевшая никакого жизненного опыта Кристабель растерянно переспросила:

— Жалобу?

— Да, — после первой фразы Весполаро заговорила гораздо увереннее. — В своём показании вы упоминали, что никогда не ходили в центр репродукции, что Сандалнос Доган избил вас, а потом насильно сдал вашу кровь вместе со своей, и именно из этого материала центр создал ребёнка. А потом он один пошёл и забрал девочку. Но, насколько я знаю, это не соответствует правилам центра репродукции. Сдача крови и получение ребёнка должны происходить только при личном присутствии обоих супругов. При сдаче биоматериала сотрудники обязаны видеть обоих и взять подписи на согласии. А когда забирают ребёнка — обязательно делают фото родителей с младенцем для архива.

Она говорила всё быстрее и всё более возмущённо.

— Рождение вашей дочки полностью прошло с нарушением! Тут точно замешана коррупция!

Кристабель, всё ещё оставаясь немного в замешательстве, заинтересованно спросила:

— А что даст жалоба?

Весполаро наклонилась, подняла руку и помахала перед глазами малышки. Маленькая померанка, на лице которой не осталось ни следа от ран благодаря лечению и у которой не было никаких последствий от передозировки снотворного, проследила чёрными жемчужными глазками за её рукой и расплылась в сладкой улыбке.

Во взгляде молодой инквизиторши почти загорелось «какая милашка!». Учтывая, что она была святосветным рыцарем, которая вечно кричала «пронзание зла!», её взгляд действительно умел сиять.

— Понимаете, — объяснила Весполаро, — у центра репродукции есть несколько собственных детских приютов. Если жалоба будет успешной, вы сможете потребовать у центра бесплатное место для вашей дочери.

Она выпрямилась, улыбнулась Кристабель яркой улыбкой и сказала:

— Тогда, мисс Кристабель, вам будет намного легче!

Глаза Кристабель чуть расширились.

Она не имела никакого жизненного опыта и не понимала, насколько большое одолжение стояло за её словами о «разговоре с начальством». Но, оглядываясь на всё своё детство и молодость, Кристабель осознавала: никто и никогда не предлагал ей настолько искренней помощи.

Ну, если не считать её повелителя.

Хотя повелитель, даровав силу, и возложил требования, Кристабель было ясно: требуя от неё найти работу, он желал ей блага.

— Это и правда возможно? — взволнованно спросила Кристабель. — Я ведь действительно никогда не была в том центре! Как же подать жалобу?

Совсем недавно окончившая школу инквизиторов и сама никогда не бывавшая в центре репродукции, Весполаро протянула длинное «э-э-э».

Она посмотрела на Кристабель, немного поколебалась и произнесла:

— Я пойду с вами... У меня сегодня выходной.

Хотя она только что отдежурила ночную смену, как у служителя у неё оставалось полно сил, даже если она всю ночь не спала и ещё убила культиста. Сказав это, инквизиторша тут же выхватила у Кристабель сумку и повела её к выходу из больницы.

Когда они дошли до дверей, Весполаро остановилась, задумалась и спросила:

— На каком уровне центр репродукции?..

— На девятом, — ответила Кристабель, прижимая дочку.

— Ах да! — Весполаро снова почесала затылок. — Точно.

Муж Кристабель мог пойти только туда — в центр для простых горожан, что находился на девятом уровне, а не в тот, что на десятом и ниже, куда обращались богачи и чиновники.

Иногда слегка «зависавшая» Весполаро это поняла, хлопнула себя по лбу и вместе с Кристабель пошла к шахте лифтов, что находилась прямо рядом с больницей.

До девятого уровня они доехали быстро, но сам центр находился рядом с другой шахтой. Поэтому они пересели на трамвай и через десять минут прибыли в первый центр репродукции Альманвиля.

Рядом с центром стояла церковь Матери Первозданной Крови.

Как культистке, Кристабель Померан стоило бы бояться этого величественного здания. Но, увидев алые потоки, текущие в каналах вокруг церкви, она почему-то задумалась: сможет ли её повелитель явиться именно здесь — на поверхности этой воды?

На дверях церкви возвышался огромный крест Святого Сердца, а под ним была выбита строка из священного писания:

«Текущая кровь есть источник жизни».

Взгляд Кристабель скользнул по этой надписи, и её мысли отклонились в сторону.

«Что было бы написано в священном писании моего повелителя?»

Она не знала, но верила: он не был похож на Деву Серебряной Луны и других подобных тёмных богов.

Они вошли в центр репродукции. В холле висел транспарант:

«Беременность и рождение естественным путём — святотатство. Выберите более безопасный способ деторождения, полезный для здоровья генов ребёнка».

В зале было многолюдно: пары входили и выходили, чаще всего мужчина и женщина, но встречались и однополые.

Как только сотрудники заметили Весполаро Хаски в форме инквизитора, к ним сразу подошёл священник Матери Первозданной Крови в красной рясе.

Весполаро изложила ему суть жалобы, и через минуту их пригласили на второй этаж.

Через десять минут — на третий.

А ещё через час им сообщили результат: сотрудник, бравший взятки, был уволен, а дочь Кристабель получила право на бесплатное пребывание в детском саду до шести лет.

Впервые в жизни Кристабель видела, чтобы к ней относились с таким уважением — пусть в основном почтение и доставалось Весполаро. Ей было непривычно и даже любопытно. По указанию персонала они осмотрели детский сад, а затем записали девочку в реестр.

— У неё ещё нет имени, — только тут вспомнила Кристабель.

— А прозвище? — спросила кролелюдка, детсадовская воспитательница.

Кристабель подумала о своём собственном унижительном прозвище, но в этот раз ей не стало тоскливо.

У её дочери точно не будет ничего похожего.

— Пусть пока «малышка Нефрит», — сказала она.

Воспитательница записала прозвище, взяла малышку Нефрит на руки и радостно объяснила:

— Раз она только что выписалась из больницы, купать её не нужно. Но, мамочка малышки Нефрит, вы должны принести сюда две смены одежды. Сегодня сколько раз она ела?

Кристабель всё подробно рассказала. Воспитательница кивнула и спросила:

— Хотите сейчас пройти в детскую комнату или придёте за ней вечером?

«Конечно, я не хочу расставаться с ребёнком!» — первой мыслью Кристабель был именно этот крик сердца.

Но разум говорил другое: сейчас почти полдень, можно сходить в церковь Матери Первозданной Крови и получить миску бесплатной крахмальной каши, а потом пойти искать работу.

Без работы она не сможет купить для малышки Нефрит одежду.

Кристабель понимала, что раньше она не смогла бы быть настолько «хладнокровной». Но сейчас пёсолюдка считала это правильным.

С трудом расставшись с дочкой, она вышла из центра. Узнав, что Кристабель пойдёт за подаванием в церковь Матери Первозданной Крови, Весполаро чуть поколебалась, но не стала предлагать накормить её за свой счёт.

Однако...

— Вы справитесь одна в зале найма? — спросила она.

— Да, — ответила Кристабель без малейшего страха. — Я справлюсь.

— Отлично, — Весполаро сложила пальцы на чистом лбу — последователи Дракона Света обычно ходили с открытым лбом. Глаза её засветились радостью, когда она посмотрела на померанку. — Запомните: если ты идёшь к свету, всегда найдётся рука, что поможет тебе.

Это была одна из догм веры в Дракона Света.

А также причиной, по которой Весполаро помогала ей.

— Мисс Кристабель, — искренне сказала она, — вы вырвались из тьмы. Ваша жизнь впереди будет полна света.

«По вашим понятиям, я как раз таки погрузилась в новую тьму», — подумала Кристабель.

Но она сама тоже почувствовала светлое будущее, поэтому улыбнулась и серьёзно ответила:

— Спасибо вам, инквизитор Весполаро.

— Если вечером не найдёте, где переночевать, приходите ко мне с малышкой Нефрит, — Весполаро подняла большой палец. — Держитесь!

У церкви Матери Первозданной Крови они распрощались. Кристабель взяла маленькую, но горячую порцию похлёбки, немного отдохнула на церковной скамье, а затем отправилась в зал найма на другом уровне.

Денег на трамвай у неё не было, но, идя пешком, она вдруг поняла, что усталость больше не так давит.

Это тоже являлось даром повелителя — и она возблагодарила его.

С таким воодушевлением, даже получив несколько отказов подряд, Кристабель не отчаивалась.

Наконец, на доске объявлений она увидела заметку, которую никто не сорвал, вероятно, из-за слишком низкой зарплаты.

«12-й уровень, проспект Светлоплодной Солодки, дом 79. Театр «Любовная муза». Нужны три уборщицы на полный день. Зарплата — 10 юаней в неделю».

Но даже за один вечер в зале найма Кристабель уже усвоила: уборщица за полный день должна получать 12-13 юаней.

Ничего страшного. И десяти будет достаточно — ей выбирать не приходилось.

На следующее утро, переночевав у Весполаро, Кристabelle отвела малышку Нефрит в детский сад и отправилась в театр.

Он располагался ниже десятого уровня. Снаружи здание выглядело запущенным: старые афиши срывали и сваливали прямо на тротуар. Новых плакатов у входа не обнаружилось. Двери были распахнуты настежь, и даже сторожа не оказалось.

Тут и Кристabelle почувствовала неладное.

Но она всё равно шагнула внутрь, подняв голову, и, оглядев грязное и захламлѐнное помещение, услышала неуверенный голос:

— Кристabelle?

Пѐсолюдка обернулась. Из глубины вышла её старая знакомая — одноклассница из средней школы.

Имя Кристabelle не вспомнила, зато вспомнила, что отношения у них были недоброжелательные.

Одетая с иголки одноклассница смотрела на неё с непонятным гневом и, даже поприветствовав, не переставала хмуриться.

Она оглядела Кристabelle с ног до головы, словно не веря, что эта собранная и прямая женщина — действительно она.

— Это правда ты? Ты тоже пришла на кастинг?

— Я пришла устраиваться уборщицей, — прямо сказала Кристabelle. — Не знаешь, где найти ответственного за найм?

Выражение злости и раздражения на лице одноклассницы вдруг сменилось на странное.

Она снова окинула Кристabelle взглядом, задержавшись на дешѐвой одежде и старой обуви, и улыбнулась — тонко, как-то уж слишком двусмысленно.

— Пойдѐм со мной, — сказала она.